

Се Инь вздрогнул, сунул ароматный нефрит в свою одежду и пробормотал:

— Ни о чём. Не знаю, что брать с собой. Кажется, если я что-то возьму, то уже никогда не вернусь...

Ло Мин цокнул языком:

— Почему вы, дети, всё так усложняете?

— А кто ещё? — рассеянно спросил Се Инь, закрывая ящики шкафа.

— Маленький Исцелитель из Врат Чжимин. Наверное, младше тебя. В его голове столько мыслей, но он настоящий гений в медицине. — Ло Мин указал на грудь Се Иня. — Это ты береги. Возможно, в будущем это станет знаком, и он спасёт тебе жизнь.

Се Инь покраснел. Видимо, учитель уже давно стоял у двери и всё видел.

На следующий день Се Инь попрощался с Шэнь Тяньфэном и покинул Учение Небесного Демона в сопровождении внутренней стражи.

Через месяц император объявил, что нашёл своего сына, который был потерян в народе, дал ему имя Се Шуюнь, титул князя Юнь и разрешил жить в задних покоях, в зале Цинхэ.

Вскоре по всему двору поползли слухи. Личность Се Шуюня была загадкой. Хотя он был очень похож на молодого императора, его происхождение всё ещё вызывало сомнения у старых сановников. Однако императрица-мать подавила все споры, заявив, что у нынешнего императора Се Сюаньжуя нет наследника, и ради стабильности государства это было необходимо.

Се Инь смотрел на титул князя Юнь и думал, что Се Инь больше не существует.

Се Инь. Янь Баньюэ редко брался за кисть, но сейчас он писал имя того пациента, который ушёл без прощания.

Эх, так и не увидел, как он открыл глаза. Янь Баньюэ закусил кончик кисти.

Янь Ланцин снял письмо с лапки голубя и отпустил птицу. Голубь взмыл в небо, словно его никогда и не было.

— Ученик, давай отправимся странствовать. — Янь Ланцин отложил палочки и улыбнулся мягко.

Янь Баньюэ чуть не выплюнул сладкий суп, который только что набрал в рот. Дядюшка Ван, сидевший рядом, не прореагировал.

— Правда? Мы выходим из долины? — Янь Баньюэ заволновался, сделал два круга вокруг стола. — Когда отправляемся? Что брать? Травы? Медицинские книги? Дядюшка Ван с нами? Аптечные горшки тоже возьмём, точно пригодятся, правда, учитель? Прописи можно не брать, я всё равно не улучшу свой почерк...

Он говорил без остановки, пока Янь Ланцин не зажмурился:

— Успокойся. Если будешь так болтать, останешься.

Янь Баньюэ тут же замолчал и придвинул своё лицо к лицу учителя.

Янь Ланцин оттолкнул его:

— Дядюшка Ван останется. В долине нужно кого-то оставить. Отправляемся через три дня. Возьмём прописи, иначе не поедешь. — Янь Ланцин подумал о почерке ученика и чуть не застонал. Как у того даоса мог быть такой красивый почерк?

Янь Баньюэ тут же согласился. Он готов был взять не только прописи, но и чернильный камень.

Позже Янь Баньюэ вспоминал, что это было их первое путешествие с учителем. Через месяц после того, как Ло Мин и Се Инь покинули Долину Гибели.

И именно с тех пор учитель начал меняться.

Тогда они вышли из Шучжуна, путешествовали, лечили людей, а вернулись в Долину Гибели только через полгода. На обратном пути Янь Ланцин нашёл Янь Чэньюя в персиковом лесу. Того самого, который сейчас сидит перед ним и щёлкает на счётах.

— Говорю тебе, господин Янь, глава Врат Чжимин, ты уже три раза в этом месяце закрывал приём пациентов. Мы вообще будем работать? — Янь Чэньюй быстро щёлкнул счётами и уставился на Янь Баньюэ.

Янь Баньюэ, лежа в кресле и жуя курагу, закрыл глаза, лениво, как большая кошка:

— Всего три раза. Не сердись, управляющий Янь.

— Всего три? Сегодня же только пятое число! — Янь Чэньюй разозлился, схватил счёты и швырнул их в Янь Баньюэ.

Янь Баньюэ даже не открыл глаз и поймал счёты прямо перед своим носом, затем небрежно отложил их в сторону.

Янь Чэньюй вздохнул и позвал аптекаря Банься:

— Иди, повесь табличку "Приём закрыт". Господин Янь сегодня болен и нуждается в отдыхе. — Он специально подчеркнул слово "болен".

Янь Баньюэ рассмеялся и перевернулся на другой бок.

Янь Чэньюй стиснул зубы, махал веером, но всё равно не мог успокоиться, подсчитывая, сколько доходов он потерял. В столице теперь можно будет купить только половину лавки.

Янь Баньюэ лежал и думал, что Врата Чжимин приобрели такого ученика, помешанного на деньгах. Когда он и его учитель нашли его в персиковом лесу, они были поражены. Восьмилетний ребёнок, казалось, обладал врождённым пониманием тайных искусств и смог пройти через иллюзию водного пути в персиковый лес. После того как Янь Ланцин взял его в ученики, он проявил невероятный талант в нумерологии, что было естественно, ведь нумерология и "Книга Перемен" имеют общие корни. Однако Янь Чэньюй совершенно не интересовался медициной, зато его почерк был хорош, иначе Янь Ланцин давно бы умер от разочарования.

Вспомнив учителя, Янь Баньюэ нахмурился и сел.

Янь Чэньюй, увидев его серьёзное выражение, помахал веером:

— Что ты ещё задумал?

— Сколько осталось до того, как учитель выйдет из затворничества? — Янь Баньюэ потер виски.

— Три месяца. — Янь Чэньюй, услышав это, убрал веер и на мгновение стал серьёзным.

Когда Янь Чэньюй стал учеником, Янь Ланцин долго путешествовал с двумя учениками, обучая их медицине и искусству формирования. Когда Янь Баньюэ исполнилось восемнадцать, его навыки в медицине уже превзошли Янь Ланцина, и они вернулись в Долину Гибели. Затем Янь Ланцин снова покинул долину, ушёл на два года, а по возвращении приказал ученикам покинуть долину, лечить людей в мире, но ни в коем случае не лечить тех, кто связан с Даосом Огненного Ворона, и не возвращаться в долину в течение трёх лет.

Янь Чэньюй, естественно, не понимал, что происходит. Янь Баньюэ, вспоминая события десятилетней давности, тоже был в замешательстве. Кроме вечно спящего Се Иня и странного Ло Мина, он никак не мог понять, что же произошло с учителем за эти два года.

Покинув Долину Гибели, они обосновались в уезде Вэй, недалеко от столицы, и открыли аптеку под названием Чжунхэ. Янь Чэньюй был управляющим, а Янь Ланцин — лечащим врачом, хотя он часто пропускал приёмы.

Янь Баньюэ некоторое время смотрел на иероглифы "Чжимин" на стене, затем встал, поправил одежду и лениво сказал:

— Жэньдун, Банься, повесьте табличку "Приём открыт".

Янь Чэньюй щёлкнул веером и бросился за ним:

— Вот это правильно! Жэньдун, быстро, пусть пациенты выстроятся в очередь.

Жители уезда Вэй не могли вспомнить, когда именно на этом переулке появилась аптека Чжунхэ. Управляющий был очень дружелюбен, врач — холоден. Они казались братьями, но выглядели совсем по-разному. Аптека часто закрывалась, но врач был действительно мастером своего дела. Однажды в аптеку принесли нищего, которого загнали собаки и который упал со скалы. Он был уже почти без сознания, но через некоторое время тот же нищий снова появился на улице, живой и здоровый. Вскоре в аптеку стали приходить знатные люди из столицы, но врач был очень странным: иногда лечил бесплатно, а иногда пациенты предлагали тысячи золотых, но не могли его увидеть.

Ближе к полудню двери аптеки Чжунхэ медленно открылись. Аптекарь с гирляндой деревянных табличек вышел и громко объявил:

— Пациенты старше шестидесяти лет, беременные женщины, дети до двадцати лет и те, кто находится при смерти, подходите первыми.

Из толпы тут же вышли несколько человек и выстроились перед аптекарем. Жэньдун, осмотрев их, раздал деревянные таблички. Десять табличек быстро разошлись. Жэньдун повернулся к толпе и крикнул:

— Сегодня приём окончен. Остальные пациенты, приходите завтра.

Люди пошумели, но ничего не могли поделать. У аптеки было слишком много странных правил.

Янь Баньюэ сидел за занавеской и принимал пациентов. Сегодня пришли обычные больные, и он быстро выписал рецепты, отправив Банься за лекарствами.

Янь Чэньюй щёлкал на счётах, не скрывая улыбки.

Когда все пациенты ушли, Янь Баньюэ вышел из-за занавески, потянулся и ткнул Янь Чэньюя в плечо:

— Сегодня хочу поесть лотоса с османтусом.

<http://bllate.org/book/16185/1451984>